

К примеру, когда Байёль говорит о якобинцах накануне 31 мая, «все, что было революцией, было с ними», не очень понимая, почему (о чем я говорила) и в ряде других случаев (он удивляется единству *jointée*, подозревая направляющую руку) – он, неведомо для себя, указывает на одну из «ахиллесовых пят» раннего либерализма (возможно, не только раннего) – непонимание природы массовых энтузиазмов (будь то «хорошие» или «плохие»), а отчасти и невнимание к ним. С этим в какой-то мере связано непонимание механизма перехода общества из статического состояния в динамическое (вернее, от состояния плавного развития к бурному и скачкообразному).

В. В. ЯКОВЛЕВ
Тюменский университет

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕРМИНОЛОГИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ЗНАМЕНЕЙ

Знамения, описанные в раннесредневековых хрониках – «Истории франков» Григория Турского и «Истории лангобардов» Павла Диакона, и представляющие собой сообщения о всевозможных бедствиях, затмениях, появлениях комет и т. п. происшествиях, остаются мало изученными феноменами с невыясненными полностью культурными функциями и достаточно размытыми представлениями об особенностях применяемой по отношению к ним терминологии. Между тем, специальный анализ тезауруса хроникальных предзнаменований может способствовать разрешению, во-первых, проблемы взаимозависимости раннесредневековых и античных, в частности римских, способов толкования знаменей и, во-вторых, проблемы сходства знаменей и чудес, также не обойдённых вниманием хронистов.

Приверженность раннесредневекового общества римским традициям толкования предзнаменований должна была отразиться, на наш взгляд, в упоминаниях историков о гаруспиции и ауспициях и, соответственно, в употреблении терминов «*haruspicium*» и «*auspicium*». Однако, по имеющимся у нас на сей день сведениям, Григорий Турский в своей хронике термином «*haruspicium*», вообще, не пользовался. Термин «*auspicium*» фигурирует в «Истории франков» всего один раз. В главе «*De nuptiis Riguntae, filiae Chilperici*» Григорий Турский дал версию значения поломки повозки королевны Ригунты как недоброго предзнаменования со слов очевидцев, сопроводивших это событие возгласом: «Не в добрый час!»: [...В. Я.] некоторыми, – сообщил франкский историк, – это было принято за предзнаменование» («[...]В. Я.] *pro auspicio susceptum est* [...В. Я.]») (Greg. Tur. VI. 45).

В сочинении Павла Диакона на данный момент обнаружено лишь два явных свидетельства получения значений предзнаменований путем гаруспиции или ауспициев. В главе «*Quomodo rex Authari in Baioariam, ut suam sponsam videret, perrexit (;) et quomodo eam accepit uxorem*» («Каким образом король Аутари прибыл в Баварию, чтобы увидеть свою невесту (;) и каким образом он получил ее в жены») мы найдём такой эпизод: на свадьбе короля Аутари и дочери короля баваров Теоделинды присутствовал герцог Турина Агилульф (ок. 589 г.?). Однажды во время грозы молния поразила дерево, растущее в королевской резиденции, и герцог Агилульф, – дословно следуя лангобардскому хронисту, – «[...]В. Я.] призвал некоего мальчика из своих гаруспиков,

который по дьявольскому искусству разъяснил, какое будущее *предвещает* удар молнии. При исполнении обрядов рядом с ним находился Агилульф, [и] он открыл секрет, что эта женщина, совсем недавно ставшая женой их короля, по прошествии короткого времени в будущем станет его женой. [...В. Я.] Все это и случилось впоследствии [...В. Я.]» (Paul. Diac. III. 30).

В главе «De Transamundo duce Spoletino et Gisulfo Beneventano et Gregorio et regno Hilprandi» («О Транзамунде, герцоге Сполетском и Гизульфе Беневентском и Григории и о царствовании Хильпранда») лангобардский историк сообщил: на острие копья короля Хильдепранда (=Хильпранда. – В. Я.) садилась и перелетала с места на место кукушка, так что «[...]В. Я.] некоторыми сведущими [людьми] в этом *знамени* («*portentu*») был увиден знак, что его правление будет неудачным [...В. Я.]» (Op. cit. VI. 55). Мы не в праве отрицать связь «сведущих людей» («*prudens*»), объяснивших, что значило поведение кукушки, с авгурами, совершавшими у римлян ауспиции.

Тем не менее следует помнить, что произведённая гаруспиция воспринималась лангобардским хронистом неодобрительно, и даже была названа им «дьявольским искусством». Отмеченное обстоятельство, на наш взгляд, может указывать на то, что в раннее средневековье наметился откат от античной, точнее, римской традиции ритуализированных способов вызывания и толкования предзнаменований, ставший причиной практически полного отказа раннесредневековых людей от римской терминологии предзнаменований. Нельзя игнорировать и фактора несоответствия ритуала гаруспиции и ауспициев культовым канонам христианской церкви, служителями которой были Григорий Турский и Павел Диакон.

Бесспорным представляется и влияние христианства на практику терминологического обозначения предзнаменований в раннесредневековом обществе. Термин «*signum*» чаще всего встречается при фиксации хроникальных знаменений. Вспомним, что в Апокалипсисе слово «*signum*» переводится как «*знамение*» в пяти случаях из семи (Апок. XII. А [2 случая]; XIII. С; XV. А; XVI. В). В средневековых текстах, отрывки из которых собраны в словаре Дю Канжа, словосочетания «*Signum Dei*», «*Signum Domini*» и «*Signum Christi*» обозначали «*Знак Господа*», «*Знак Христа*» или, иначе, «*крестное знамение*».

Обсуждение вопроса глубины терминологического и содержательного параллелизма хроникальных знаменений и чудес затрагивает проблемы не только смыслового, но и переводческого дифференцирования данных явлений. По меньшей мере, три термина, обозначающих в хрониках предзнаменования, – «*portentum*», «*praesagium*» и «*prodigium*» могут использоваться в нескольких русскоязычных значениях: «*знамения*», «*чудесного явления*» и «*чуда*». Слово «*prodigium*» преимущественно и переводят в двух последних значениях.

Трансляция с латыни на русский язык фрагментов со знаменениями требует отказа от употребления чисто словарных эквивалентов для терминов «*portentum*», «*praesagium*» и «*prodigium*». Это хорошо почувствовала, на наш взгляд, В. Д. Савукова, делая литературную обработку труда франкского хрониста. Пророческая обстановка событий, передаваемая в хрониках посредством рассматриваемых терминов, идентична той, что отображалась благодаря понятиям «*signum*» и «*auspicium*», тоже встречающимся в наших источниках и, главное, применяющимся почти всегда для обозначения исключительно предзнаменований. Мы настаивали бы на необходимости строжайшего соблюдения контекстуального смысла в процессе языковой интерпретации терминов «*portentum*», «*praesagium*» и «*prodigium*». Когда они возникают в ситуациях с явным пророческим, предсказывающим началом, то переводить их нужно не иначе как «*знамение*», «*предзнаменование*». Если же с помощью них тем или иным событиям в хрониках придаётся морально-назидательный пафос христианских чудес,

то они подлежат переводу в таких значениях, как «чудо» и «чудесное явление».

По нашему мнению, дальнейшее изучение особенностей терминологии раннесредневековых предзнаменований целесообразно проводить с использованием метода историко-терминологической идентификации. Какие-то из его структурных элементов уже задействованы в приведенных выше рассуждениях. В развернутом виде этот метод предстанет только тогда, когда будет расширен круг рассматриваемых источников. Известно, скажем, что в классический период «продигии» были одним из видов предсказаний (другой вид, например, — «омены»). Раннесредневековые хроники, к сожалению, не дают ответа на вопрос о том, когда и как слово «продигии» стало синонимом общего понятия «знамение». Возможно, историко-терминологический анализ предзнаменований, описанных в сочинениях Ксенофонта, Геродота, Тацита, Аммиана Марцеллина и некоторых других античных авторов, поможет приблизиться к разрешению указанной дилеммы.

Нуждается в последующей перепроверке с помощью метода историко-терминологической идентификации и наша версия о терминологическом и смысловом несоответствии хроникальных знамений и чудес. Здесь, очевидно, не обойтись без обращения к агиографической литературе и, в частности, к житийным сочинениям Григория Турского, а также к хронике другого выдающегося раннесредневекового историка — «Истории народа англов» Бэды Достопочтенного. По имеющимся у нас предварительным сведениям, эта хроника насыщена сообщениями о чудесах, произведённых святыми и праведниками.